

Павел Владыкин

Храм на любви

Павел Владыкин
Храм на любви. Книга стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24502838

ISBN 9785448537189

Аннотация

Новая книга стихов Павла Владыкина содержит в себе лирические, философские, пейзажные стихи. В неё вошли стихотворные произведения, написанные в 2016—2017 годах.

Содержание

Слово – колокол	6
Храм – на – Любви	8
Человекник	9
Упала голубая чашка...	11
Мартовские виды	12
Память у лета короткая	14
День ясной природной прозы	15
Гусиный бумеранг	16
Домо-вой	17
Свет исходит от России	18
Каждый человек – с особой песней	19
Коммуналка	20
Зима в режиме ожидания	21
Закаты пишут протоколы...	22
По строкам А.С.Пушкина	23
«Лицом к России в полный рост»	24
У памятника Пушкину в Веймаре	26
Святочные гадания	27
Любитель спрашивать	29
Дом – член семьи	30
Невидимка, нарисуй себя!..	31
Цветы – другая жизнь	34
Друг другу мы простим любовь	35

К теплу! К теплу!	37
Перезимовали!	38
Парашют	39
Весна, теплынь...	40
Под чистым небом марта	41
Перепады весны	43
Сельское идиллическо-элегическое	44
Идёт апрель...	46
Апрелия – сестра апреля	47
К вербному воскресению	49
Моя легенда – сестра апреля	50
Ольха	52
Весна нарастает	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Храм на любви

Книга стихов

Павел Владыкин

© Павел Владыкин, 2017

ISBN 978-5-4485-3718-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слово – колокол

А всё ж поэт без словаря,
как колокол без звонаря.
Лишь слово может потрясти,
с верёвкой-фразою в горсти!
Всё существо его как медь
заставит на весь мир греметь.
И обернутся звоны слов
гудением колоколов.
А там, глядишь, уже гора
гудит до самого нутра.
А колокол Земли в набат
ударит: «Каждый виноват!»
И стонет слово, и поёт.
Вновь слово русское – в полёт!
Оно не тянет за язык
того, кто к слову не привык.
Но – точно – тянет за язык
тех безутешных горемык,
которые связались с ним —
да не с одним!
И суждено связаться им
с богатством тем, почти ничьим,
что словарей глубины прячут.
И – со святым, что, снявши нимб,

перед погибшим миром плачет!

Храм – на – Любви

Он прекрасен – Храм-на-крови!
Построенье страданий Христовых.
По-библейски весь мир назови:
Слово – Бог, ну а Бог – это Слово.
Вознесённый молитвенный Храм...
Ах. какие же белые стены!..
Там на миг показалось и нам:
будем вместе и ночью, и днём.
Отраженье в стоячей воде —
перевёрнуты в нём наши жизни.
Пусть когда-то на Божьем суде
мы ответим за боль укорины.
Позови же меня, позови!
Пусть одним только ласковым словом!
Слышишь: выстроим Храм-на-любви!
На земле он, но невесомый!

Человейник

Полный человежник...

Мчат вперегонки...

Сверху звёздный веник —

солнцу вопреки.

Сеть меридианов

ловит. Не уйти!

Нитью Ариадны выйти?

Не войти.

На невнятной тропке

каждый – муравей.

Выход где из пробки?

Пробкой бьёт сабвей.

Лист на паутинке —

жизнь одного.

Стопчет все ботинки

и, глядишь, того...

Шар Земной, не сдуйся

под напором ног!

Благ медовых туес

ставят на пенёк.

Тащат все, не каясь.

Славно! Всё путём!

Только внешне – хаос.

Логику найдём.

Каждый в деле волен,
не споткнуться чтоб.
Кто-то – шопоголик,
кто-то – голошоп.
Всем подай жар-птицу.
Уж такой расклад.
Новый вид – жар-пицца.
Ищут клад и склад.
Кто не знает близко
вредность мураша?!
Ну а глянь сквозь призму —
добрая душа.
Занят человекник.
Там хоть зной звени!
То ли надо денег?
То ли зрак – в зенит?

Упала голубая чашка...

Упала голубая чашка неба.
Но не разбилась. Тучные поля
удар смягчили, полные созревшим хлебом.
Однако тихо ойкнула Земля,
подумав, что накрыта медным тазом...
Кто в жизни чашку не разбил ни разу?..

Мартовские виды

Февраль. Достать чернил и плакать!
Борис Пастернак

Сколько же чернил поэтом налито
в склянку февраля! Представь на миг...
То, что в феврале писалось набело,
в марте превратилось в черновик.
Белый наст. А вот дорожки чёрные.
Прогибая первозданный наст,
пробегают лыжницы точёные.
Полон лес Людмил, Галин и Насть.
Сколько слёз февральских было пролито!
В марте нет чернил. Но есть азарт.
За зиму в душе немало пролежней
накопилось. Расправляй их, март.
Встали перевёрнутою готикой
в ряд сосульки, чтоб от сих до сих.
Уж клavier написан для рапсодии.
Для капли – партитура... (Клавесин!).
Сколько ж было февралём потрачено
передёрнутых погодных карт!
Так сыграй-ка честно и удачливо,
ясноглазый всепогодный март!
Белый лист... Пишу тебе я начисто,

милая, (хоть и писать отвык) —
всё о том, каким прекрасным качествам
отвечает твой иконный лик!

Память у лета короткая

Посвящено Сергею Есенину

Что же ты, лето, короткое? —
думается поутру.
Осень! Берёзушка кроткая
стынет на зябком юру.
Юр или яр – позабыли мы.
Нам бы поменьше словарь!
А словари все незыблемы.
Мы же теряем слова...
Осень... Меж пальцами сыплются
множество знаков, примет.
Память собрать уж не силится —
в горсточку – пролитый свет.
Лето с узорной оплёткою
сгинет – не прекословь...
Память у лета короткая.
Помнится только любовь.

День ясной природной прозы

День ясной природной прозы,
старинной, добротной весьма.
Исписан папирус берёзы
коричневой вязью письма.
А что же сюда нас манит?
Весь мир, как одно существо...
Далёкий от нас Пиросмани.
А в поле – коровы его.
И вётлы, стоящие криво,
для нас и для речек растут —
с времён сотворения мира.
И мы были вечно тут.
Когда нас попросят на выход,
из мира уйдём на отрыв,
здесь будут и вдох наш, и выдох —
шум ветра и листьев взрыв.

Гусиный бумеранг

Оседают листья как чайники.
Байховый, а не зелёный чай...
Сломан механизм погод. Починки
не дожидаться даже невзначай.
Мне сейчас совсем не до веселья.
Только лишь гляжу, как в эмират
мчится тот гусиный, тот весенний,
ставший вдруг осенним бумеранг...

Неужели в этой вечной гжели,
что зовётся чашею небес,
мне не высветится еле-еле
тот просвет – без всяческих чудес,
что меня порадует обрывком
счастья дней, где наши голоса,
и твоей осеннею улыбкой —
пёрышком, летящим мне в глаза.

Домо-вой

Ты ещё мне там повой —
в печке с вьюшкой, домовой!
Ты и так застрял в трубе
при своём большом горбе.
Ты и так мне надымил
в кухне – с пола до стропил.
Натворил ты кучу дел!
Кот просил, а ты всё съел.
Зря ты тратишь столько сил!
Лучше тапки поднеси...

Свет исходит от России

Свет исходит от России.
Но померк немного снег.
Если свечи погасили,
то не значит – Бога нет.
То не значит, то не значит,
что её проект не начат
с новым веком славных лет.

Скачут, скачут кирасиры
из истории времён —
защитить тебя, Россия.
Много бед со всех сторон.
Воздаётся всем по вере.
Путь вперёд, что был потерян,
будет снова обретён.

Каждый человек – с особой песней

У речки, что струится на простор,
у рощи, заселившей косогор,
у ветра, что летит во весь опор —
своя неповторимая мелодия.
Своя родная песня, свой мотив
всей жизни. Песенка. Речитатив.
Вся в переливах, как прилив-отлив,
простая песня или сложная рапсодия.
И человек, мудрец или простака,
идёт по жизни с песней, не устав.
У всех, у всех есть песня на устах.
И каждая на все другие не похожая.
Мы думаем и пишем о своём.
Мы разные, даже когда вдвоём.
Живём, смеёмся. Хмуримся, поём.
...Но есть плохие песни, есть хорошие.
Живём среди ландшафтов, перспектив,
лес и реку в своё пространство превратив.
Насвистываем собственный мотив —
в нём наше будущее, настоящее и прошлое.

Коммуналка

В коммуналках считали сушки.
Наливали стаканы полней.
Поливали в пригоршни из кружки.
Каждый год заводили детей.
Круг забот: чтобы сушки не крали.
Чтоб жилось веселее с утра.
Чтоб друзья и подружки узнали —
то не в счёт, что случилось вчера.

Зима в режиме ожидания

За окном теперь у нас зима,
бело-сине-грустным триколором...
Зайцы в поле мчат от контролёров —
от волков, сводящих их с ума.
В холод время медленно летит.
То, что жду я, не даётся в руки.
Солнце открывает в тучах люки.
Но нарушен тепловой транзит.
Понимаю, май не мает – нет.
Понимаю, нас декабрь мает.
Но семью цветами принимаю
этот белый цвет. И белый снег...
Ты стоишь вот так же у окна.
Был когда-то я тобой не понят.
И, пока стою, тебя припомнив,
зимне прирастает седина.
Терпеливо жду: остынет чай.
Тороплю к теплу (напрасно!) стужу.
И ложится откровеньем в душу
светлая, как белый день, печаль.
.....
Ни звонка, ни встречи, ни свиданья...
И зима – в режиме ожидания...

Закаты пишут протоколы...

Закаты пишут протоколы
о проведённом нами дне.
И хлопотливей станут сёла —
хоть где – внутри домов и вне.
Печные трубы – канделябры,
в них вечер ставит свечи звёзд.
Наступит ночь. Коту на лапу.
Отдавит ненароком хвост.
Когда ещё совсем не поздно,
захочет ужинать народ.
И на дымах взлетит под звёзды
сгоревший на плите пирог.
Голодными заночевали,
но кое-кто, не весь народ.
И водят, лишь под трали-вали,
простушки-звёзды хоровод.
И мне, что вышел на дорогу —
на даль туманную взглянуть,
пошлёт Небесный Вождь пирогу —
земной рекой стал Млечный путь.

По строкам А.С.Пушкина

Ещё бывают чудные мгновенья...
Ещё не отойдя от давних встреч,
вдруг видишь красоту – до ослепленья!
И пишешь лишь стихи, теряя речь.

* * *

Произнеся своё признание,
поэт вселил в нас понимание:
нет в мире большей чистоты,
чем гены чистой красоты.

«Лицом к России в полный рост»

А. Пушкин

При свете восходящих звёзд,
как никому, поэту веря,
стоять у памятника в сквере —
«лицом к России в полный рост».
Следить за движущимся словом,
засомневаться, верить снова
и вечный задавать вопрос:
Какую силу звать на царство?
Вновь погружаться в маету.
Меж вольностью и государством
привычную вести черту.

* * *

Стоит поэт в дожди и снеги
«лицом к России в полный рост» —
тогда, сейчас, всегда, навеки!
А этот век, как все, не прост.
Хоть под Москвою ставь засеки
от мнимых и реальных бед —
в разломе севера и юга.
А он стоит, прикрывши веки —
мир кружит по тому же кругу,
всё та же чернь и тот же свет.
«В руке не дрогнет пистолет...»

У памятника Пушкину в Веймаре

Памятники, бюсты, фрески...
знать Европу до конца!
Пушкин в Веймаре – с немецким
выражением лица.
Там, за стрельчатую рамой
Божий лик! Прекрасный фриз!
Как заточки, гвозди храмов
в небо вбиты. Шляпкой – вниз.
Что он нам – «немецкий гений!»
Не меняем и на двух.
Дар для многих поколений —
им открытый «russky duh».

Святочные гадания

РасСказка по мотивам русской старины

Изловчась, да через правое плечо
девки со двора бросают башмачок.
Что жених подхватит тут же – весь расчёт.
У забора должен быть, коль наречён!
Ну и чё?!
Зря к воротам шустро мчит с нагой ногой,
наступая на ступню ногой другой.
Жениха-то нет! Пошёл, варнак, он к той,
что спросонья тихо пролепечет: «Ой!
Ты мой сладкий приз-сюрприз. Хороший мой...»
Кофию наварят для гаданья столь,
что заляпан гущей напрочь будет стол.
Вдруг какой-нибудь английский Чайльд Гарольд
в ночь объявится. И скажет нежно: «Оль!
Замуж – магу – за меня пойти изволь...»
В зеркальце глядит: а что там за спиной?
Запотело от дыхания оно.
Дышит влажно кто-то за спиной давно.
«Мой избранник! Суженый мой! Милый!...» Но
это верный пёс... Такое вот кино!
В блюдечко со свечки каплет-каплет воск.
Для гадания отрезан клочок волос.

И горит, горит бумага – дым до слёз.

«Где ты, Ваня,? И к кому опять прирос?» —
вот вопрос!

Нагадавшись, спит одна и видит сон:

В изголовье – платье... Платье – шик-фасон!

И жених – французский парень мсье Бурдон,
вежливый, по специальности гарсон,
говорит: «Подвинься, ну-ка!.. Миль пардон!»

Любитель спрашивать

«Скажи мне, бабушка,
когда я хлопаю в ладоши,
микробам больно?»

«Мы в цирке, лапушка,
Ты хлопаешь слонам, Алёша.
Они довольны.»

«И всё же, бабушка...
Я снова хлопаю в ладоши.
Микробам плохо?»

«Не знаю, чадушко.
Обед... Не моешь руки, Лёша!
Грязнуля Лёха!»

Дом – член семьи

Дом – член семьи.
Вот как пёс и кот!
Деток растит.
Сохраняет род.
Всех собирает
и охраняет.
Не философия
это такая.
Плод
размышлений моих.

Невидимка, нарисуй себя!..

*(История, взаправду случившаяся.
Именно так всё сделала внучка Анечка)*

Монолог маленькой девочки

Если есть ты, Невидимка,
нарисуй себя!
Ты невидим, Невидимка!
Нарисуй себя!

Обо мне – слова: «Девчонка —
комнатный цветок».
Положу на подоконник
крохотный листок.

Там записка: «Если есть ты,
нарисуй себя!»
А в укромном этом месте
буду ждать тебя.

Ну, конечно же, – портрет твой.
Твой автопортрет...
То увижу за портьерой,
что не видел свет.

Ноты с полочки роняешь.
Я ж с утра корплю...
Ну а видимым бываешь,
лишь когда я сплю.

Маленькая я девчонка.
Умничкой зовут.
Ростик маленький, но в чьём-то
знаю, признают...

Да, я маленькая ростом.
Словно недошив...
И, конечно, мне не просто
в мире вас, больших.

Появись-ка, Невидимка!
Лишь полы скрипят...
Ведь потом же невредимым
ты уйдёшь в себя.

Ты совсем уж невидимка?!
Милый мой ворчун!
Ты такой необратимый!?
Проявись хоть чуть...

Если есть ты, нарисуйся!
Слой с картинки смой.

.....

«Кто он, Боже Иисусе?
Может, ангел мой?»

Цветы – другая жизнь

Цветок прозрачен.
Полотняный лепесток,
пронзённый солнцем.
Чудо входит в душу.
И я гляжу на яблоню,
на грушу.
Реалия всё это.
Не восторг.
Чужая жизнь...
Растение живёт. Нас понимать
чуть-чуть, но начинает...
Грусть жизни, медля чуть,
с лица снимаю,
считая, что мне в жизни
повезёт.
Цветок раскрыл
рассветные уста.
Столь удивлённо...
Да ведь он наивен!
Как будто бы своё
узнал он имя.
А я же думаю
об этом неспроста.

Друг другу мы простим любовь

Весна вошла в горшке с рассадой.
Весну ещё дождаться надо.

.....

Я оторву вас ото сна.
И вырву мягко из объятий.
Морфея. Объяснив изъятие
сие тем, что вошла весна.
Она видна, она слышна.
А солнце стало столь румяно,
что кажется немного пьяным.
Да и другие времена
пришли, что позволяет, кстати,
мне оторвать вас ото сна.

Вас погрузить в заботы дня —
всё так! – ничто мне не мешает.
Но вот уж чуточку лишает
того, чтобы простить меня.
За что? Одно лишь знаю я,
что все слова, похоже, немы,
что отклонился я от темы:
«Любовь важнее бытия».
И это шансы уменьшает
вас встретить в сутолоке дня.

Друг другу мы простим любовь...

А люди душами нищают.

Прощаются, но не прощают.

И потому себя готовы
увидеться и встарь, и вновь.

Стремятся, тут же забывают...

И мысленно лишь отрывают
разлюбленных от дел, от снов.

Всё это память обещает.

Друг другу мы простим любовь!

.....

Весна вошла в горшке с рассадой.

Весну ещё дожидаться надо.

К теплу! К теплу!

Как хороши... не розы,
а хлопья, столь белы».
Берёзы – леса проза,
газетные стволы.

Скажу: «Сим-сим, откройся!» —
ракиты выйдут вдруг.
У этих отроковиц
чуть рдеют ветви рук.

А что за дыроколы
последний сыплют снег?
Уже и руки голы.
Перчаток нет как нет.

Лишь на висках неброско —
от седины куржак.
Как похудел Морозко!
И затянул кушак.

Перезимовали!

Перезимовали снова
что ли?
Говорит о том
весенний грай ворон.
«Де'вица, тебе в мороз
тепло ли?» —
это сказка детства
и оксюморон.

Уж таким лукавым
был Морозко,
наделив морозостойкостью
девиц.
Доказать красу свою
не просто.
Только на Руси
такой румянец лиц!

Парашют

Купол неба
на стропях деревьев —
в мире самый
большой парашют.
До чего же
высокое время!
Просто жуть!

Весна, теплынь...

Как ни держался, упал на поленья,
ухнул литой козырёк.
От неожиданности и удивленья
прыснул в рукав водосток.

Что же такого мы ждали всю зиму?
В марте побольше тепла?
Мне у души поменять бы «резину».
Наледь сомнений сошла...

Что ни весна – раскардаш и боренья.
Я бы тебя попросил
взять от меня, это в знак примиренья,
солнечный срез – апельсин.

Под чистым небом марта

Чистейшее небо,
со многими звёздами.
И с множеством
Млечных путей,
с их неосвещёнными
перекрёстками,
без люминесцентных затей.

Зато – неизменными.
Что изменилось —
появится через парсек.
Пока же расценим
как высшую милость,
что гладко проходим свой век.

Что прячут надёжно
глубины Урала,
в холодных предгорьях тая
нас – от различных
и небывалых
стихий, что прессуют
иные края.

Трясут, наводняют и выжигают.

Утюжат
погодным катком.
А что там вдали,
впереди мелькает? —
узнаем когда-то.
Потом.

Перепады весны

Неожиданный навал весны – фугасом.
А потом тепло помчало конницей.
И за таянием снегов спеша напрасно,
написание стихов уж не угонится.

Там, где бурные ручьи апрельской фазы,
цвета кофе разведённого «арабика»,
ни за что бумажному коню Пегасу
не догнать газетного кораблика.

Сельское идиллическо- элегическое

Тюкает в жилах
кустарника сок.
Почки набухнут,
да как бабахнут!
Лопнут и в миг
повернут на восток
темя щенячье.
И терпко запахнут.
Я ощутил
между пальцами скань —
в мочке весны
серебрится серёжка.
Милая, ты
пробудись и встань.
В тапочки вставь
фитнесо'вые ножки.
Чтобы увидеть меня,
отодвинь
бабушкой вышитую
занавеску.
Слышишь капелей
бубенчик: «Динь-динь!»
звенькают в такт им

на вербах подвески.

Идёт апрель...

Пройдёт январь – теплее будет.
Придёт февраль – близка весна.
Настанет март – взбодрятся люди.
Дороги выгнется спина.

Апрель еловый лес разбудит.
Рубашка льда реке тесна.
Поднимутся рельефно груди.
Река очнётся ото сна.

Её теперь уж не убудет
от солнечной любви... Весна...

Апрелия – сестра апреля

*Все месяцы – с мужскими именами.
Но их сопровождают женщины...*

Апрель и я,
Апрелия —
двойняшки,
брат с сестрой,
вспоённые капелями,
взращённые игрой
веснушчатого
солнышка
с природой...
С ивняком,
который,
чуя тёплышко,
стоит наивняком.
Висит
обратной готикой
сосулк
стройный ряд.
Цветочки —
желторотики
на солнышко глядят.
Мы с братом

акварелями
расписываем мир.
Брат говорит:
«Апрелия,
Весну благодари!
Благодари ты
матушку,
что так
кругом светло,
что мы с тобою
рядышком
и всем несём тепло»...

К вербному воскресению

Почки, почки, как ушные мочки.
Вот уже и в серебре серёжки.
А затем совсем без проволо'чки —
одуванчики, как на витрине брошки.
Небеса – без туч, без оболочки.
К лучшему переменился мир. И очень.
И невидимо нас видят Божьи очи.
Очи! Отче!

Моя легенда – сестра апреля

*У всех месяцев – мужские имена.
Пора нарушить их одиночество.*

Зовут её так же,
как брата – Апрель.
Она озорница,
она фантазёрка.
В журчанье ручья
слышит иволги трель.
И в луже любой
открывает озёрко.
У брата её —
интерес лишь в одном —
расправу вести
с накопившимся льдом.
Обходит с ревизией
всё чередом.
Дворы озирает
придирчиво, зорко...
А вместе они
не стоят за ценой.
Приходят к природе,
приносят подарки...
.....

Для птиц перелётных
над милой страной
разрезали ленту
в лазоревой арке...

Ольха

Ничто – это темнота.
Всё – это свет.
Вот ольха у моста.
Звёзд в помине нет.

Даже в имени легка,
свяжет без затей
тёплый новый день ольха
из своих кистей.

А пока же: «Ну, пока!» —
голос долетел.
Вздрогнула слегка ольха,
будто кто задел.

Темнота – это ничто.
Солнце – это всё...

Весна нарастает

Грусть за снегом в душах тает.
Наступает благодать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.